

Литературные Меридианы

Первый телефонный звонок Василию Быкову был безуспешным: писатель уезжал в родные свои места, на Витебщину, чтобы встретиться с избирателями. Потом я позвонил уже из Минска, услышал его голос, строгий, как показалось, даже суровый. Условились встретиться в Доме литераторов.

Ожидание было недолгим: писатель вошел в вестибюль за три минуты до назначенного срока, стройный, худощавый, по-военному подтянутый, с красивым серьезным лицом, совсем не похожий на свои известные фотографии. «Здравствуйте, я не опоздал?». Мы поднялись на второй этаж и устроились для беседы в одном из служебных кабинетов правления Союза писателей Белоруссии.

— Василий Владимирович, с момента выхода в свет «Альпийской баллады» прошло двадцать лет. Можно ли подвести итоги за эти годы?

— А что, уже пора подводить итоги? — Быков слегка улыбается, голос его звучит по-белорусски мягко и задушевно, в неспешных словах чувствуется весомость и мудрость. — Впрочем, если серьезно, то, конечно, в шестьдесят лет, наверное, о каких-то итогах уже можно сказать. Хотя самому говорить об этом трудно...

Печатаюсь я с 1956 года. Начиная как юморист, как сатирик. Но чем дальше уходила война, тем все необходимое становилось для меня писать о войне. Это чувство знаю не только я, но и другие писатели, в чьем творчестве борьба нашего народа против фашизма занимает основное место: чем дальше мы от войны, тем настойчивее она овладевает нашими помыслами.

— А где застала вас Великая Отечественная?

— За три дня до начала войны мне исполнилось семнадцать. Я поступил учиться

Произведения народного писателя Белоруссии, лауреата Государственной премии СССР Василя Быкова широко известны и любимы советскими читателями. Такие его повести, как «Сотников», «Обелиск», «Дожить до рассвета», «Пойти и не вернуться», сразу нашли самый горячий отклик и в сердцах людей, прошедших войну, и тех, кто сегодня знает ее только из рассказов фронтовиков, по книгам и фильмам.

Великая Отечественная война... Смертельная битва со смертельным врагом. Крайнее напряжение духовных и физических сил. Как на фронте, так и в тылу врага, на оккупированной им территории. Острые драматические ситуации, требующие высокой твердости духа и бесповоротных, бескомпромиссных решений: жизнь ценой предательства равносильна позорной смерти. Такова суть повестей Василя Быкова, такова нравственная сила его героев, защищающих в жизни самое главное — Родину.

К 60-летию Василя БЫКОВА

ВЕСОМО И МУДРО

в Витебское художественное училище. Не расставался с карандашом и на фронте, только многие дорогие мне рисунки погибли тогда. В семнадцать лет был призван, в девятнадцать наш ускоренный выпуск Саратовского пехотного училища направили на фронт. Младшим лейтенантом командовал пехотным взводом, затем воевал в истребительной противотанковой артиллерии, и, как сказано в повести «Проклятая высота», перекурор мы не делали. Были трудные бои на Кировоградчине, было тяжелое ранение, была на меня похоронка матери, а на одной из многочисленных братских могил под Кировоградом в длинном списке погибших есть и моя фамилия...

— В этом отношении ваши повести автобиографичны?

— Наверное, как у каждого писателя. Демобилизовался в 1947 году, а через два года был снова в армии и еще почти 10 лет служил в дальних гарнизонах. Потом журналистская работа в Гродно. В книгах же своих хотел воссоздать несколько скромных образов наших людей, которым в суровые годы войны было суждено исполнить свой иногда неприметный, но всегда многотрудный долг. Это не красивое описание необычных подвигов бесстрашных богатырей, это — несколько будней войны, маленьких капелек в необъятном море борьбы, которое до краев было полно тогда и людской крови, и людских слез. Уже писалось о том, что среди фронтовиков 1922—1924 годов рождения в живых остались три процента. Это писалось лет пять назад. Сей-

час — осталось еще меньше...

А свою писательскую сущность я нашел не сразу. В этом отношении большую роль сыграла моя совместная работа с Твардовским. Он первый указал мне на силу лаконичной повести. Я ведь не пишу романов. Работая над повестями, следуя совету Александра Трифоновича, который подсказал мне создавать не романы, а повести, но с большей емкостью, чем у романа. Так появились «Журавлиный крик», «Фронтвые страницы», «Третья ракета», «Альпийская баллада», «Мертвым не больно». А успех, по моему убеждению, приходит тогда, когда автору удается точно отозваться на насущное требование народа, на актуальность темы для народа в данный момент. Так создавалась «Атака с ходу» («Проклятая высота», «Круглянский мост» и «Сотников»). В «Волчьей стае» отразилось партизанское эхо войны. Кстати, повесть «Круглянский мост» редактировал сам

Твардовский. И в творчестве своем я выделяю «новомировский период» — появление первых моих произведений в журнале «Новый мир». Период этот сыграл важное значение в моем становлении как писателя. «Сотников» написан уже после Твардовского, но и «посленовомировский период», по-моему, характеризуется продолжением прежней тенденции: это показ войны такой, как она есть, — без прикрас, без бахвальства, без лакировки, показ того, что прошел сам, вдоволь насмотревшись на кровь, муки и пот пехоты. Я стремлюсь к углублению проблемы народности, сознательному усилению темы трагизма. Ведь это жестокая правда войны — будущего люди не имели: многие из них погибли за свободу нашей Советской Родины, за счастье нынешних поколений.

— Сравнительно недавно была опубликована ваша повесть «Знак беды». Несколько слов об этой работе. Ведь этой повести уже было посвящено немало добрых отзывов, и прежде всего статьи в «Правде», «Известиях», «Огоньке».

— Над «Знаком беды» я работал два с половиной года. На фоне огромной литературы о войне создать что-либо значительное, тем более поражающее новизной, становится все труднее даже для художников, обладающих личным военным опытом. Тем не менее, сказать необходимо еще многое, ибо тема «Человек и Война» бесконечно глубока и серьезна.

— Многие свои произведения вы сами переводите на русский язык. Так было и с повестью «Знак беды». Легко ли дается эта работа?

— Перевод даже с такого близкого языка, как мой родной белорусский, — чрезвычайно сложное дело. Ведь язык белорусский несет множество смысловых оттенков, понятных только белорусу. Так что на перевод у меня уходит очень много сил и времени.

— Василий Владимирович, а чем вы занимаетесь в свободное время?

— Так его почти нет. Как депутату надо выполнять наказы земляков, руководить секцией прозаиков в Союзе писателей. Вот и сейчас надо идти на заседание. Ну, а если выдается день-другой свободный — стараюсь поехать в Гродно к внукам. И, конечно, тянет на родину. Ведь Родина для человека — это все, и с большой, и с маленькой буквы.

Беседу вел
Георгий БЛЮМИН.

Гравюра Н. Калиты.